

Family Institute: On the Trends in the Interaction of Religious and Legal Regulatory Systems

N. N. Tarusina¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article, based on a retrospective and perspective view, presents topical issues of interaction, diversity and harmonization of religious, ethical and legal norms within the framework of the institute of religious, legal and legal worldview and related practices. As a result of the analysis of relevant trends, negative, neutral, uncertain, positive authors, he comes to an optimistic assumption about the fate of the Russian family, especially in its traditional sense

Keywords: family; marriage; religion; law; gaps and mistakes; traditional values

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tarusina Nadezhda N. | E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru
Candidate of Legal Sciences, Professor

Институт семьи: о тенденциях взаимодействия религиозных и правовых регуляторных систем

Н. Н. Тарусина¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 340.1

Научная статья

В статье на основе ретроспективного и перспективного взгляда рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия, разобщенности и гармонизации религиозно-этических и правовых норм института семьи в системе религиозного и юридического мировоззрения и общественных практик. В результате анализа соответствующих тенденций – негативных, нейтральных, неопределенных, положительных – автор приходит к оптимистическому предположению о судьбе российской семьи, прежде всего в ее традиционном смысле.

Ключевые слова: семья; брак; религия; закон; пробелы и ошибки; традиционные ценности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарусина Надежда Николаевна | ORCID: 0000-0001-8827-5532
E-mail: nant@univ.uniyar.ac.ru
Кандидат юридических наук, профессор

В романе «Покорность» М. Уэльбек описывает ситуацию-предположение о победе мусульманской партии во Франции, преобразовании Сорбонны и других классическо-европейских институций, в том числе и государственных, в учреждения мусульманского образца – с соответствующими требованиями к чиновникам, преподавателям, иным сотрудникам, условиям и содержанию их деятельности. На обложке романа – Джоконда, улыбающаяся сквозь паранджу... Описывается также огосударствление мусульманской религии в Бельгии, приближение к такому результату Великобритании и некоторых других европейских стран, вступление в ЕС арабских государств средиземноморья и т. д., и т. п.

Среди предтечи преобразований констатируются известные миграционные процессы, дезориентация института семьи (брака и родительства), существенное снижение авторитета и влияния христианства, декаденство европейской идеологии в целом. Нечто вроде предчувствия по типу известных предсказаний Дж. Оруэлла, но с активным религиозным флером.

Находясь «над схваткой», не поддаваясь подобным страхам и придерживаясь реалистичной для европейской территории концепции светского характера государственности, включая,

разумеется, и государственность российскую (что, впрочем, предписано Конституцией РФ, изменять которую в этой части в 2020 г. и последующих не планируется), сосредоточим свое внимание на аспекте взаимодействия церкви и российского государства, акцентируем некоторую, с одной стороны, избыточность, с другой – неопределенность и пробельность правового регулирования такого взаимодействия, а также правоприменения.

В качестве предпосылок размышлений обозначим несколько основополагающих тезисов о соотношении норм религии («околониальных» и «наднациональных»), этики и права. И при этом сразу оговоримся о европейско-российском контексте проблемы, ибо восточные компоненты, во всем их разнообразии, – дело, как известно, тонкое, в нашей теме и многих других требует особенных подходов и иного информационного базиса, а также и иной квалификации соответствующих авторов.

В общетеоретическом плане к более или менее очевидным относится несколько констатаций. Первая: религиозным нормам, в известном смысле, отводится роль «пращуров» норм этических и правовых. Вторая: все три «регуляторные» (как нынче модно обозначать то, что регулирует общественные отношения преимущественно

на позитивном уровне) системы взаимодействуют, с разной степенью напряжения, в различные эпохи социального бытия. Третья: по мере исторического развития право, этика и религия как социальные регуляторы, с одной стороны, обособляются друг от друга, с другой – при относительно нормальном разворачивании общественных процессов не только не находятся в ситуации противопоставления, а осуществляют взаимоподдержку в регулировании общественных отношений. Четвертая: разрушение религиозных основ никогда не являлось благом для правопорядка. Пятая: проблема поиска относительно общих мировоззренческих позиций в обществе есть одновременно проблема взаимодействия различных религиозных течений и вопрос правомерности приоритета одного или нескольких из них на территории определенного государства. При этом следует заметить, что юридический взгляд на права человека и трактовка последних со стороны конфессий нередко не совпадают. Шестая: традиционной спецификой отличается взаимодействие канонических, этических и юридических норм при регулировании разного типа общественных отношений – с административным, правоохранительным, семейным, образовательным элементом и др. Седьмая: многоконфессиональные государства неизбежно должны вырабатывать и аккуратно реализовывать специальные технологии, обеспечивающие корректное сосуществование своих администраций с конфессиями и конфессиями между собой.

Перейдем к институту семьи, одному из «столпов» общественного и государственного развития, а в определенном контексте – и выживания.

В многонациональной и многоконфессиональной дореволюционной России, как известно, брак и семья составляли предмет гражданского и канонического права. Официально доминировавшей конфессией признавалось православие, которое оказывало прямое или косвенное воздействие на нормативы и содержание отношений супружества, родительства, иного попечения над детьми. Однако «иноверцам» было официально разрешено обращаться, наряду со светским законодательством, к канонам своей религии, в том числе в вопросах заключения и прекращения брака, соответственно атеистам и раскольникам – только к светскому закону [1, с. 599–607]. Для той эпохи подобный подход являлся весьма просвещенным, гуманитарным.

Цивилисты того времени подчеркивали единство религии, этики и права в семейной сфере – прежде всего в институте брака. Так, Д. И.

Мейер, солидарно с учением православия, полагал брак учреждением, находящимся под божественным покровительством, актом таинства, подлежащим воздействию скорее законов религиозных и нравственных, нежели правовых, а равно и родительство – явлением религиозно-этического порядка, с корректным, осторожным вмешательством в эти отношения юридических законов [2, с. 348–375]. К. П. Победоносцев, как и Г. Ф. Шершеневич, видел в браке договорное юридическое начало, однако подчеркивал как его биологические предпосылки, так и – со временем в доминирующей степени – начала нравственные и религиозные, сущностное сопряжение супружества с таинством, и не только в собственно христианском смысле, но и общечеловеческом (как великую тайну «глубочайшего и полнейшего духовного и телесного соединения») [3, с. 13–14].

После октябрьской революции как частный случай идеи «отделения церкви от государства» церковное право полностью утратило свое влияние на семейное законодательство (кроме прямого или косвенного регулирования отношений с семейным элементом священнослужителей и, разумеется, прямого или опосредованного воздействия на мировоззрение о сущности и цели институтов брака и семьи православных, католических, мусульманских, иудейских и др.). Однако в настоящее время явная разобщенность религиозных (в том числе православных) и нормативно-правовых представлений об институтах брака, родительства и попечительства утрачивает свою остроту, преобразуясь во взаимодействие и взаимодополнение.

При этом, с одной стороны, семейное законодательство и российское законодательство, обеспечивающее интересы семьи (финансовое, административное, трудовое, социально-обеспечительное, медицинское, образовательное, гражданско-процессуальное, уголовно-процессуальное и др.), остается светским и в этом смысле универсальным для последователей различных религиозных конфессий. С другой стороны, в цивилистической науке (и юриспруденции в целом) высказываются соображения о необходимости учета определенных религиозных канонических и традиционных [4–5]. Так, например, православие владеет знанием о сущности брака, а светский закон – нет,¹ что создает трудности в правоприменении, так как значимые признаки данного союза впрямую и системно не закреплены; основные конфессии явным образом отрицают однополые браки и однополое родительство, а законо-

¹ Это не означает, что законодательство следует воспринять в неизменном виде православное определение (тем более что мусульманское право предлагает иную дефиницию).

дательство, не устанавливая семейно-правовых последствий смены пола лицами, состоящими в браке или в отношениях внебрачного родительства, косвенным образом их легализует; принцип единобрачия неукоснительно выводится (в том числе Конституционным Судом РФ) из светского характера российского семейного законодательства, а общественные практики некоторых регионов с «мусульманским контекстом» мировоззрения не вполне с указанной правовой позицией коррелируют; стремление верующих к оформлению брачных уз через религиозный обряд не поддерживается его юридическим признанием в качестве аналога государственной регистрации; по-разному законодатели и религиозные организации оценивают тенденцию на широкое применение вспомогательных репродуктивных технологий (особенно в рамках программы суррогатного материнства; впрочем ряд законодателей, как известно, также не приветствуют активное внедрение суррогатного материнства, полагая последнее разновидностью торговли людьми [6, с. 28–30; 7, с. 58–65]. Религиозному мировоззрению представляется также вполне ясным сущность семьи, основанной как на браке, так и иных общностях на основе родства, свойства, опекуна, попечительства, усыновления/удочерения, фактической заботы о детях (фактическом воспитании), позитивного изживания. Российский же законодатель (в отличие, кстати, от белорусского, казахстанского, украинского) таким знанием не обладает, предлагая, по сути, правоприменителю «гадать на кофейной гуще» о юридически значимых признаках семьи [7, с. 96–119]. Указанные аспекты взаимодействия либо разобщенности следует взвешенно, объективно обсуждать в юридическом и религиозных сообществах.

В то же время в ряде семейно-правовых институтов вероисповедание гражданина/граждан

Ссылки

1. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. Казань, 1905. 795 с.
2. Мейер Д. И. Русское гражданское право: (По изданию 1902 г.). М., 1997. Т. 2. 455 с.
3. Победоносцев К. П. Курс гражданского права: (По изданию 1896 г.). М., 2003. Т. 2. 656 с.
4. Мартышин О. В. Светское государство // Государство и право. 2018. № 12. С. 104–115.
5. Мальшкин А. В. Некоторые аспекты интеграции религиозных и правовых норм в светском государстве // Государство и право. 2019. № 5. С. 30–39.
6. Тарусина Н. Н., Сочнева О. И. Права детей. М.: Проспект, 2018. 176 с.
7. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
8. Тарусина Н. Н. Семейное законодательство – парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 96–109.
9. Косова О. Ю. Детство: беглый взгляд в настоящее и будущее // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 26–39.

учитывается как на законодательном, так и правоприменительном уровне – при назначении ребенку опекуна, установлении усыновления/удочерения. В судебной же практике по семейным делам данный фактор может приниматься во внимание и в других случаях: при решении вопроса о месте проживания ребенка при раздельном проживании родителей, о порядке общения с ребенком отдельно проживающего родителя, других родственников; при оценке значимости заблуждения в субъекте как основания признания брака недействительным (сокрытие факта смены пола, нетрадиционной сексуальной ориентации и т. п.); при общей оценке конфликтной ситуации, злоупотребления правами родителя, превратившегося из папы в маму и наоборот [8].

При этом следует констатировать явный курс законодателя и правоприменителя на усиление значения, а соответственно, охраны и защиты, традиционных семейных ценностей (в противовес западному «толерантному» мировоззрению, которое, по мысли упоминавшегося в начале статьи французского романиста М. Уэльбека, привело к их утрате). Это безусловным образом объединяет российские юридические и религиозные практики, мотивируя их к симфонии мировоззрений и поступков, доктрин светского и канонического законодательства, различных общественных практик толкования и поддержки классических вариантов институализации семьи [9]. Смеем надеяться, что «уэльбеково предположение» нас минует. Некоторое увеличение качества и объема оптимизма происходит также на основе российских государственно-властных решений о преодолении демографических трудностей и поддержки института российской семьи в целом девятнадцатого и начала двадцатого годов действующего столетия.